

Идеологическая экосистема Кремля РАВНОВЕСИЕ И КОНКУРЕНЦИЯ

ПОНАРС Евразия

Аналитическая записка № 493

Ноябрь 2017 г.

Марлен Ларюэль¹

Университет Джорджа Вашингтона

Западные ученые склонны использовать термин «Кремль» в неопределенном смысле применительно к различным общностям: российское правительство, президентская администрация, группа особо влиятельных фигур (которую Евгений Минченко называет [Политбюро 2.0](#)) или круг давних друзей Владимира Путина. Я полагаю, что для уточнения понятия «Кремль» полезна метафора экосистемы. Экосистема - это живой, сложный, взаимосвязанный организм, который может эволюционировать, адаптироваться и исчезать. Она взаимодействует с другими экосистемами и может поглощать или быть поглощенной. Она имеет собственные границы, которые, однако, гибки и допускают линии связи с другими экосистемами. Будучи гибкой и взаимосвязанной с аналогичными внешними объектами, экосистема все же сохраняет свою внутреннюю логику, модели и механизмы, которые регулируют отношения внутри нее.

Я рассматриваю «Кремль» как нечто объединяющее несколько идеологических экосистем, каждая из которых состоит из специфических институтов, финансовых доноров, покровителей, узнаваемых символических отсылок, агентов идеологических изменений и медиаплатформ. Существуют три базовые экосистемы - президентская администрация, военно-промышленный комплекс (ВПК) и сфера влияния Русской православной церкви (РПЦ). Все три экосистемы постоянно находятся в движении и приспосабливаются для поддержания равновесия, что подтверждает искусство Кремля адаптироваться к различным условиям. ВПК и сфера влияния РПЦ – это те два консервативные «частно-государственные партнерства», которые продвигают более последовательную

¹ [Марлен Ларуэль](#) – профессор-исследователь; заместитель директора Института Европы, России и Евразии; директор Программы исследований Центральной Азии и содиректор программы ПОНАРС Евразия при Университете Джорджа Вашингтона.

идеологическую повестку; в то время как президентская администрация поощряет более широкий спектр идей.

Переосмысление идеологического элемента путинского режима

В рамках значительной части текущих дискуссий о природе путинского режима можно выделить три основных подхода. Первый рассматривает путинский режим как клептократию, в которой коррумпированные участники близкого окружения Путина стремятся к личному обогащению. Книга Карен Давиша «Клептократия Путина: кому принадлежит Россия?» предлагает наиболее подробный анализ этого аспекта деятельности режима. Однако наличие таких явлений, как крупные и хорошо организованные схемы, взяточничество, отмывание денег и офшоризация национальных богатств, недостаточно для объяснения всей логики функционирования политической сферы и формирования взаимодействий между государством и обществом.

Другой подход рассматривает путинский режим в качестве тоталитарной, неосталинистской институции, мотивируемой, помимо прочего, национализмом, реваншизмом и имперской агрессией. Согласно этому подходу, действия российского руководства на международной арене и внутри страны объясняются глубоко укорененными идеологическими убеждениями. Книги Чарльза Кловера «Черный ветер, белый снег: Подъем нового национализма в России» и Марселя Ван Херпена «Войны Путина: Подъем нового имперализма в России» дают хорошее представление об этой трактовке. Я не согласна с их точкой зрения, поскольку авторы делают акцент на некоторые очень ограниченные явления и выводят из них «генеральный план».

Третий подход предлагает более сложное понимание, которое включает два уровня анализа. Во-первых, отношения режима с российским обществом гораздо более сложны, нежели просто патронатные или авторитарные: они основаны на подразумеваемом социальном контракте с населением, который постоянно пересматривается и который ограничивает сценарии развития режима. Стремясь соответствовать социальным запросам, руководство ежегодно тратит миллионы долларов для того, чтобы быть в курсе малейших колебаний общественного мнения, и миллиарды долларов - на формирование благоприятного для себя общественного мнения. Режим находится в постоянном поиске источников вдохновения на местах и берет на вооружение местные идеи; а обратная связь низов с верхами во многих случаях довольно интенсивна, чего часто не замечают иностранные наблюдатели. Во-вторых, внутренняя конфигурация самого режима ближе к конгломерату множества мнений и ситуативных импровизаций, нежели к единой сплоченной группе с жесткими идеологическими границами. Как писал в своей аналитической записке [«Код путинизма»](#) для ПОНАРС Евразия Брайан Тэйлор: «Это одновременно и больше, и меньше, чем идеология. Больше, потому что заключает в себе не только идеи, но и другие побуждающие к действиям стимулы. И меньше, потому что это не целостная и законченная система взглядов».

В настоящей работе приоритетное внимание уделяется не формирующем «позицию Кремля» политико-экономическим группам меркантильных интересов, а тем, кто производит идеологии. Я рассматриваю режим в виде совокупности разрозненных конкурирующих идеологий и выделяю три обширные идеологические экосистемы. Каждая экосистема функционирует сама по себе, но остается связанной с другими экосистемами, людьми, институтами и идеями, служащими мостами между различными экосистемами. Внутри каждой из таких систем некоторые люди работают в качестве агентов идеологических изменений, имеющих пространство для маневра, имеющих возможность определять свои предпочтения и культивировать собственные патронатные сети. Их связи хрупки, нуждаются в постоянном культивировании и неустанной поддержке, чтобы быть в состоянии давать отпор враждебным группам и оставаться на связи с президентской администрацией. Подобно империям олигархов, чья защищенность зависит от личной преданности, идеологические империи этих предпринимателей также нестабильны - их можно атаковать и забрать себе их самые значимые части.

Локализация идеологической продукции внутри «системы»

Было бы чрезмерным упрощением представлять продуцирование идеологий Кремлем как нечто целостное или, напротив, бессвязное. Во избежание такого рода упрощений полезно локализовать процесс продуцирования Кремлем идеологий и провести обзор разнообразия этой идеологической продукции.

Одним из мест производства этой продукции является экосистема ВПК, которая охватывает все силовые ведомства: Министерство обороны, Министерство внутренних дел, спецслужбы и военную промышленность в целом (как государственную, так и частную). Эти группы имеют конфликтующие интересы и их раздирают многочисленные внутренние противоречия, поскольку они конкурируют за государственные субсидии и политическое внимание. Все они, однако, поддерживают широкую повестку сохранения определенного уровня идеологического контроля над российским обществом. Большинство из них верит в систему представлений советского стиля, в рамках которой людей побуждают выражать «здоровый патриотизм», а молодежь растет, получая военно-патриотическое воспитание. Некоторые более радикальные группы такие как «Изборский клуб» Александра Проханова и партия «Родина» Дмитрия Рогозина, выступают за возрождение «красной» идеологии, совмещающей ностальгию по советским временам со славянофильством и православной тематикой. Последний подход отчасти вдохновлялся «красно-коричневой коалицией», распавшейся после событий октября 1993 года.

Второе место производство идеологии – сфера влияния православия, которая охватывает Московский патриархат, православных бизнесменов (таких как Владимир Якунин и Константин Малофеев), агентов идеологических изменений (таких как режиссер Никита Михалков, а также бывший прокурор республики Крым и нынешний депутат Госдумы Наталья Поклонская) и множество

православных организаций гражданского общества. Церкви не удалось проникнуть в государственную систему (в частности в школы) до той степени, на которую та надеялась. Тем не менее, она постепенно укореняется в обществе, частично преуспев в продвижении своей консервативной повестки посредством влияния на формирование законодательства по социальным и семейным вопросам. Возрождающаяся поддержка православия, ностальгия по царскому периоду и реабилитация белоэмигрантов подготовили (хотя и, в основном, децентрализованно) благоприятную почву для тех, что продвигает радикально реакционный нарратив. Имевшие место в августе 2017 г. уличные демонстрации против фильма «Матильда», повествующего о любовной истории между цесаревичем Николаем II и балериной, служат иллюстрацией существования современного православного фундаментализма, готового к участию в уличном насилии.

Обе упомянутые экосистемы уходят корнями в советское прошлое. ВПК в наибольшей степени выказывает преемственность по отношению к советскому периоду. Это объясняется очевидными структурными причинами: он защищает те geopolитические и промышленные интересы, которые эволюционировали не кардинально, за исключением необходимости адаптироваться к рыночной экономике и, в некоторых случаях, также корректировать стратегические расчеты. На персональном уровне его основными представителями, по большей части, являются стареющие советские служащие. Сфера влияния православия более сложна. Она имеет истоки в так называемой «Русской партии», проявлявшей активность в некоторых советских структурах между 1960-ми гг. и 1980-ми гг. Эта эта преемственность иногда воплощается через судьбы семей. Известный детский писатель и автор слов советского и российского государственного гимнов Сергей Михалков был одним из руководителей «Русской партии». Его сын - известный режиссер Никита Михалков – сегодня является одним из главных представителей православного крыла. Эта группа также прошла через глубокое обновление. Многие из ее представителей являются так называемыми православными бизнесменами - новым поколением, рожденным на жестком пути к рыночной экономике в 1990-х гг. Некоторым, подобно Константину Малофееву, чуть больше 40 лет. Кроме того, православное крыло сейчас очевидно лучше связано с эмигрантскими кругами, чем это было в советский период.

Президентская администрация является самой эклектичной из трех экосистем и самой молодой в кадровом отношении. Общую динамику превосходно иллюстрируют заимствования идей Владиславом Сурковым, более десятилетия являвшегося первым заместителем главы президентской администрации, а затем ставшего советником президента. Он сыграл критически важную роль в управлении доступным набором идеологий, одновременно обуздывая те группы, которые могли бы представлять угрозу режиму. Широкая идеологическая палитра,

которой решила воспользоваться президентская администрация, включает в себя три основных компонента:

1. *Ностальгия по лайт-версии советского прошлого*, сконструированная так, чтобы отвечать как постсоветским условиям, так и российскому консюмеризму и видоизменяться различным образом. Эта ностальгия относится, главным образом, к брежневским десятилетиям, тогда как сталинская эпоха задействуется сравнительно мало;
2. *Классическое государствоцентричное видение России*, которое подчеркивает длительность существования страны и ее географический масштаб. Это находит, например, отражение в возрождении Русского географического общества и Военно-исторического общества;
3. *Образ глобализированной, мультикультурной и многогранной России*, сочетающий в себе элементы статуса великой державы с либеральными экономическими ценностями. Эта линия основывается на заимствованиях из целого ряда областей, включая американские политические кампании и маркетинг, западный постмодернизм, нарративы американского неоконсерватизма, консюмеризма, глобализации, а также трансформации в Китае.

Единственная идеологическая красная линия заключается в том, что индивидуумы не могут быть идентифицированы как либералы в политическом смысле этого термина, поскольку это трактуется как преднамеренное или непреднамеренное служение западным интересам и работа на geopolитический, политический, экономический или моральный развал России. В то же время, экономические либералы все еще могут быть частью истеблишмента.

Следовательно, из трех упомянутых экосистем президентская администрация является наименее идеологически жесткой и наиболее способной к адаптации к новым контекстам, о чем свидетельствует назначение Сергея Кириенко первым заместителем руководителя Администрации Президента в 2016 году. С его приходом маятник качнулся от крайне консервативных/реакционных позиций в сторону более центристских. К примеру, в 2017 году президентская администрация [выделила гранты](#) ранее получившим статус иностранных агентов организациям, приостановила прямое финансирование близкого к Путину патриотического клуба байкеров «Ночные волки» и не поддержала тех православных фундаменталистов, которые перешли границу дозволенного в своих выступлениях против фильма «Матильда».

Экосистемы ВПК и православия убеждают президентскую администрацию разрабатывать повестку смены общественной идеологии. Они также пытаются вносить больше доктринального содержания в преимущественно консервативную повестку государства. Однако президентская администрация сопротивляется этим усилиям. Ее консервативная идеология остается расплывчатой, основываясь на

таких ключевых характеристиках, как антизападничество, антилиберализм, продвижение традиционных моральных ценностей и классическое государствоцентричное видение России. Помимо этих нескольких установок, в идеологии превалирует размытость. В целом, президентская администрация стремится обеспечивать неучастие населения в политике и в уличном активизме в надежде на безропотное принятие существующего положения как должного и на пассивную поддержку режима.

Выводы

Поддержка «консерватизма» президентской администрацией имеет две цели - оборонительную и наступательную. Оборонительная цель состоит в том, чтобы представить статус-кво путинского режима в качестве наилучшего выбора для страны и тем самым делегитимизировать либеральную оппозицию и западное влияние. Эта цель, по большому счету, уже достигнута: режим имеет широкую общественную поддержку и большинство граждан продолжает рассматривать Путина в качестве символа нации и государства, несмотря на критику по поводу коррумпированности руководства и на озабоченность стагнацией экономики. Вторая (наступательная) цель заключается в переформатировании российского общества с тем, чтобы оно оставалось деполитизированным и пассивным в своем взаимодействии с режимом, но активно участвовало бы в социальной жизни. Россия уже не является социальным государством (с целью достижения всеобщего благосостояния): это нелиберальное государство, которое стремится сократить бюджетные расходы. Ему требуется такое общество, которое было бы способно принять на себя ответственность, не ожидая при этом от государства слишком много. Эта вторая цель, по большей части, все еще достигнута, поскольку президентская администрация не контролирует поведение населения. Российское общество сопротивляется желанному для режима реформированию и лишь выборочно верит заявлениям властей. Общество не позволяет власти заставить себя делать то, чего оно не хочет.

Экспертные методы ориентированные на то, чтобы описать, определить, а затем типологизировать доктринальный контент режима, по большей части, упускают главное. Они исходят из того, что доктрина важнее мировоззрения, а содержание важнее стиля; не принимая при этом во внимание совокупность таких присущих режиму факторов, как поведение, привычки и технологии управления. Они также упускают аспект сотворчества в совместном процессе производства смыслов и производимый путинским режимом культурный резонанс. Гораздо более важным, чем обсуждение статуса Александра Дугина и Ивана Ильина в глазах истеблишмента, является «отражательная» способность режима. Последний черпает вдохновение из многих народных субкультур: блатной культуры, боевых искусств, традиции стёба (пародии) и карнавализации, нелиберальных потребительских практик и позднесоветской культуры. Режим действует их в своих целях, стремясь соответствовать общественным запросам и насаждая

всеобъемлющую культурную гегемонию в свою пользу. До сих пор этот баланс, в основном, успешно сохранялся, даже учитывая, что о разрушении символической легитимности свидетельствует невозможность вновь завоевать доверие среднего и высшего классов в Москве, Санкт-Петербурге и других городах, а также трудности в нахождении общего языка с молодым поколением, вся жизнь которого проходила при Путине. Тем временем, Кремль, похоже, сумеет перестроиться на какое-то время, получая преимущества как благодаря своим навыкам адаптации и импровизации, так и ввиду некоторой системной инерции, препятствующей возникновению привлекательных альтернатив будущего.

Elliott School of
International Affairs
THE GEORGE WASHINGTON UNIVERSITY

PONARS NEW APPROACHES
TO RESEARCH AND
SECURITY IN EURASIA

© PONARS Eurasia 2016. Данный текст основан на аналитической записке на английском языке с тем же номером. ПОНАРС Евразия представляет собой международную сеть ученых, разрабатывающих новые подходы к изучению проблем внутренней и внешней политики, безопасности и сотрудничества в России и Евразии. ПОНАРС Евразия базируется в [Институте исследований Европы, России и Евразии \(IERES\)](#) Школы международных отношений им. Эллиотта Университета Джорджа Вашингтона. www.ponarseurasia.org